

Эта статья — участницы Лиенцевской трагедии доктора Марии Емельяновны Платоновой — урожденной Фетисовой, донской казачки.

...Мария Емельяновна совершала и поездку в Англию — на суд в защиту историка Николая Дмитриевича Толстого. Мария Емельяновна и ее мама — Ангелина Исакиевна Фетисова — запечатлены художником Сергеем Григорьевичем Корольковым на картине “Выдача казаков в Лиенце”. (Австрия, июнь 1945.)

Весну 1945 года мама и я встретили в Северной Италии, в которую мы прибыли с казачьими семьями из Берлина.

В Берлине был сборный пункт, и туда направлялись немецким командованием все казаки, находящиеся в Германии на работе.

Мама и я с 1943 года находились в Остовском лагере г. Штаргарда в Померании. Получив приказ, командант лагеря помог нам выехать в Берлин.

В Берлине к великому нашему удивлению и радости мы встретили моего дядю П.Е. Фетисова, который во время революции отступил из России с войсками белой армии и всю жизнь прожил в Югославии, в Белграде.

...Приближался конец войны. Немецкие войска покидали Италию. В Толмеццо, в “Казачьем стане”, была решено вывести казаков и их семьи в Австрию, совершив путь через Альпы, обозами и пешком. Старики, дети и слабые передвигались в телегах, кто верхом на лошади, а большинство, в том числе и я, пешком. Переход был трудным и опасным: дорога узкая, с одной стороны скалы, с другой — пропасть; небольшая неосторожность — и можно свалиться, особенно когда дошли до вершины гор, а дорога была покрыта снегом и льдом. Но с Божьей помощью весь обоз благополучно перешел Альпийские горы и спустился в долину Австрии.

Здесь мы услышали, что война окончена и мы находимся в Английской зоне. Было отдано распоряжение двигаться в направлении Лиенца. В радужном настроении, с благодарностью судьбе, что мы оказались в руках самой цивилизованной страны мира — Англии, а не в руках Титовских партизан или Красной Армии, с толпой людей, все время присоединяющихся к нам, добрались мы до окрестностей небольшого городка Лиенца.

Неподалеку от Лиенца находился лагерь Пеггце, состоящий из большого количества бараков, использованных во время войны немецкой армией.

Большинство из нас разместились в бараках. Многие построили палатки в поле за лагерем, недалеко от места, которое было загорожено для казачьих лошадей. Пережив все ужасы войны, совершив переход через Альпы, оказавшись в руках добрых, благородных англичан, все были в возбужденном радостном состоянии, полные оптимизма и уверенности: все страшное миновало, и всех нас ожидает светлое будущее.

Оптимизму помогала и дивная весенняя природа Тироля. Изумрудная трава покрылась чудесными красками полевых цветов, как персидским ковром; кустарники стояли, как белые невесты; а величавые Альпы, покрытые сверкающими на солнце снеговыми шапками, упирались в безоблачную синь.

Все мы были благодарны английскому военному командованию, которое так заботилось о нас: снабжало продуктами, медикаментами и всем необходимым для повседневной жизни.

В должности связного офицера между казаками и английским командованием был высокий рыжеволосый молодой офицер — майор Раст Дэйвис. Переводчиком у него был личный адъютант ген. Даманова капитан Бутлеров, с которым майор Дэйвис часто посещал лагерь. Окружив его, все старались узнать, что будет с нами и как долго мы останемся в Пеггце. С английской вежливостью и улыбкой он старался заверить нас, что все страшное осталось позади и теперь нам нечего беспокоиться, так как английское командование приложит все усилия, чтобы обеспечить нам светлое будущее.

Приходил он всегда с шо-

коладкам, и дети, завидев его, бежали к нему с протяннутыми ручонками. Раздав сладости, он ласково гладил их по головке...

Дни шли за днями. Более подозрительные казаки предполагали что-то нехорошее, но большинство не теряло врожденного оптимизма и находилось в блаженном неведении.

Подходил конец мая. Шли какие-то разговоры о предстоящей конференции, на которую приглашаются все казачьи офицеры... Но это, казалось, были только слухи.

Настал день 28 мая —

ВЫДАЧА КАЗАКОВ В ЛИЕНЦЕ

день, который войдет в историю казачества как день величайшей трагедии людей, доверивших свою жизнь и честь таким же офицерам, но только английской державе.

У англичан есть слово “джентльмен”, в котором сочетаются понятия: честь, чувство долга, благородство, т.е. все самые высокие, лучшие качества человека. И вот это слово английского офицера все вернулось в лагеря.

За всю историю человечества ни одна страна в мире не совершила такого вероломства, и никто не мог предполагать, на какое предательство и беспримерную подлость способно английское командование.

С утра начали прибывать английские грузовики и началась отправка офицеров. Семьи стояли группами; со слезами на глазах прощались, с тоской смотрели вслед уходящим машинам.

Мама и я искали глазами дядю Петю; и вот он, быстро подойдя к нам, начал прощаться. Никогда не видела я его таким интересным, как в тот момент, когда он стоял перед нами в парадной форме полковника императорской России.

Почему-то защемило сердце, и я, чуть не плача, спросила: неужели и ему нужно обязательно ехать на какую-то конференцию?.. И почему всем офицерам? Не проще ли выбрать делегацию из более важных и послать на эту странную конференцию?.. Улыбнувшись, он сказал: англичане приказали надеть парадные формы и всем офицерам ехать, и что английский офицер дал слово чести: к вечеру они все вернутся в лагерь...

Почеловав маму и меня, он быстро пошел к ожидающим грузовикам.

Наполненные машины умчались, обдав пылью стоящих группами плачущих женщин.

Не забуду никогда взволнованное лицо мальчика лет четырнадцати—пятнадцати, сына доктора Симоненко, умоляюще смотрящего на меня, со слезами в глазах просящего моего совета. Его отец уехал рано утром с первым транспортом офицеров, приказав ему остаться в лагере и ждать его возвращения. Оставшись без отца (мать погибла еще в начале войны), он был в отчаянии и никак не мог решить, что ему делать. Зная, как тяжело быть одному, да еще в его возрасте, я сказала, что ему лучше соединиться с отцом, так как кроме отца у него никого нет. Радостно улыбувшись, он бегом помчался к последнему уходящему грузовику, взобрался на него и уехал.

Прошло столько лет, а я все еще сожалею, что дала ему такой совет. Остался ли он жив?.. Встретился ли с отцом?.. Один Бог знает.

Уехали последние грузовики. Настала зловещая тишина. Было предчувствие, что случится что-то страшное, непоправимое.

Надвигались сумерки. Теплившаяся маленькая надежда, что офицеры вернутся, постепенно исчезала. Женщины и дети — расставившись с мужьями, отцами и сыновьями — почувствовали себя осиротевшими, беззащитными.

Ночь была мучительной. Никто не сомкнул глаз и ждал рассвета, чтобы увидеть Дэвиса и получить от него ответ на все мучившие нас вопросы.

Настало утро. Наконец-то появился Дэвис с девушкой-переводчицей и сообщил: офицеры никогда не вернуться, и мы все должны быть приготовлены к возвращению на Родину — независимо от того, хотим мы или нет.

Когда во время войны сыпались бомбы, воздушной тревогой и своим пронзительным свистом они готовили человека к надвигающейся катастрофе. А здесь... В такое солнечное весеннее утро слова Дэвиса прозвучали как гром среди чистого неба.

С застывшими от ужаса глазами люди окаменели и стоя-

вплотную, старались вытащить отчаянно сопротивляющуюся жертву и толкнуть ее в грузовик, но люди выскакивали из грузовика и снова бежали в толпу. Солдаты начали терять терпение. Что случилось дальше не поддается описанию.

Пережив войну, испытав много ужасов, пробыв в Остовском лагере, я не могла вообразить, насколько человек может быть жестоким и бессердечным по отношению к другому человеку.

Как заворожена смотрела: передо мной стоящего юношу солдат с огромной силой ударила дубинкой по вытянутой руке.

Раздался стон. И рука, перебитая между локтем и кистью, повисла, заливая кровью рукав.

Неподалеку стоял мальчик лет двенадцати. Удар дубинкой попал ему на большой палец, и он смотрел, как кровь капельками стекает на пыль с отбитого и висящего на тоненьком кусочке коже пальчика. Лицо его не выражало никакой боли, а только удивление...

Но никакую физическую боль нельзя сравнить с болью душевной, глумлением над старостью и достоинством человека. Насколько, недалеко от меня, я увидела стоящего на коленях перед двумя солдатами старика. Голова его была совершенно лысая. Обхватив руками запыленные ботинки солдата, он тихим голосом жалобно просил не отправлять его в Сов. Союз. Не веря своим глазам, я смотрела, как солдаты методически начали наносить удары дубинками по голове несчастного. Старичок тихо плакал. Слезы, смешавшись с кровью, струились по его лицу.

Меня поразило, что лица солдат не выражали никаких эмоций: не было ни злости, ни ненависти, а только исполнение данного приказа — во что бы то ни стало намеренную жертву бросить в грузовик.

Вскоре старичок потерял сознание, был схвачен за руки, за ноги и как мешок с зерном брошен в грузовик.

В толпе обезумевшие от ужаса люди теснее прижимались друг к другу. Раздавались истерические крики, стоны, детский плач. Стоял неимоверный гул. Толпа колыхалась из стороны в сторону.

Чтобы избежать солдатских дубинок, люди начали пятиться назад, давая друг друга. Чувство самосохранения побороло все другие чувства, каждый думал, как бы спастись, избегнуть участи быть брошенным в стоящий грузовик.

Судорожно схватив маму за руку, я старалась как-то вырваться из толпы, чтобы не быть раздавленной.

Вдруг раздался душераздирающий крик молодой женщины, стоящей за моей спиной с младенцем. Приложив все усилия, я старалась повернуться к ней лицом и увидеть, что случилось... Прелестный младенец с розовыми щечками и небесно-голубыми глазками, которого я несколько минут назад видела смеющимся, радостно смотрящим в чистое, синее небо, лежал в руках несчастной матери бездыханным, с поникшей головкой, выдавленным глазками и язычком, как раздавленный полевой цветочек.

Почти теряя сознание, все еще не веря, что это действительно, а не кошмарный сон, я услышала треск ломающегося деревянного забора. Держа маму за руку, с толпой побежала к пролому. Казалось, нас несла толпа, а не сами мы двигались.

Последнее, что врезалось в памяти: бегущие по всем направлениям люди... сломанный помост с алтарем... разбросанные хоругви, иконы... И самое ужасное: солдат, бьющий крестом по голове стоявшего перед ним священника.

Все еще крепко держа маму за руку, вместе с толпой я побежала через рухнувший забор на поляну за пределами лагеря.

Произошло нечто странное: обезумевшие люди как по команде попадали на колени, а потом просто сели на траву. Было что-то неестественное: страшный гул тысячной толпы, шум моторов, выст-

рели из винтовок и крики команды англичан вдруг сменились смертельной тишиной.

Слышались только тихие слова молитвы... Издалека доносились звон колоколов из католических церквей Лиенца...

Немного придя в себя, я посмотрела по сторонам и увидела несколько неподвижных тел на площади. Женщина в сером платье с огромным животом и неестественно раздвинутыми ногами... как это ни странно, пара аккуратно поставленных сапог...

Прямо перед нами проходила железная дорога, и можно

было видеть подогнанные товарные вагоны, к которым грузовики подвозили казаков для погрузки. Присмотревшись, я увидела за поляной в кустарниках несколько танков и возле них группу английских солдат с пулеметами. Пронзила мысль: когда эшелон отойдет, грузовики вернутся, и мы все будем отправлены со следующим транспортом.

Наклонившись к маме, я прошептала: нам нужно немедленно уйти с этого места. Медленно, ползком мы начали передвигаться по направлению железной дороги. На полпути мама и я встали, немного прошли, а потом быстро побежали.

Раздались крики, прозвучало несколько выстрелов, но, успев, добежать до оврага, мы скатились вниз и притаились в высокой траве. Прележили некоторое время. Выстрелов не было слышно. Мы переползли рельсы, скатились снова в овраг с другой стороны и, скрываясь в траве, добрались до ближайших кустарников. За все это время мама не произнесла ни одного слова и теперь, глядя на меня, сказала, что живой она не дастся англичанам, чтобы быть отправленной в руки НКВД.

Просидев год в тюрьме в 1933 году, она знает, что ее там ожидает. Мой отец, офицер белой армии, в это же время был расстрелян. Бабушка, отсидев 11 месяцев, была, как и мама, каким-то чудом освобождена. Умирающими...

В изнеможении, все еще полностью не осознав случившегося, твердо решили мы: живыми в руки англичан не дамся, а принять таблетки морфия, которые мы всегда имели при себе, и безболезненно отойти в другой мир.

Скрываясь в кустах, прислушиваясь к каждому шороху, добрались до небольшой роши, опустились у дерева. С замирающим от страха сердцем, прикрывшись наломанными ветками, прижавшись друг к другу, в каком-то забытии провели мы ночь.

Наступил рассвет. Светлые лучи солнца пробежали по роше. Природа оживилась. Ожила и тревога: что же делать?

Вдруг послышались шаги. Из соседних кустов вышел человек и направился к нам. В его широко раскрытых голубых глазах застыл ужас затравленного зверя. Рубашка изорвана в клочья, залита засохшей превратившейся в коричневую кору кровью. Грудь также была покрыта засохшей кровью. Волосы сбились, превратились в окровавленную шапку. На лбу, возле виска, зияла пульсирующая рана.

Присмотревшись, я вдруг узнала в нем молодого — с кудрявыми, золотистыми волосами — веселычка и балагура Жено Флора, он всех нас в лагере развлекал по вечерам своим прекрасным пением. Прерывающимся голосом рассказал: несколько английских солдат вытащили его из толпы, начали толкать к грузовику. Отчаянно отбиваясь, он старался убежать. Его снова хватили. Рвали рубашку, били дубинками. Подтащив к грузовику, озверевший солдат с силой ударил его прикладом по голове.

Обессиленного, избитого, теряющего сознание, его вбросили в грузовик. Упал он возле самого борта машины. Грузовики, наполненные несчастными людьми, охраняемые солдатами, помчались к эшелону.

Немного придя в себя, Жена ухватился за борт и, напрягая силы при повороте, когда ход ма-

шины замедлился, рывком выбросился на дорогу. Покатился в высокую траву. Замер. Прозвучало несколько пулеметных очередей, но машины не остановились, помчались дальше.

Пролежал в траве до самого вечера. Добрался до роши, спрятался в кустарнике. На рассвете, услышав наши голоса, подошел к нам.

Женя сказал, что недалеко у подножия гор должен быть медицинский казачий пункт, но что он боится туда идти, а скорее уйдет в горы, будет прятаться в лесу. Попрошавшись, он скрылся в кустах.

Выйдя из роши на открытую поляну, мы увидели у подножия гор большой фермерский дом. Он был отдан английским командованием казакам и превращен во временный госпиталь. Никого не встретив, мы подошли к нему. Осмотревшись и услышав голоса, доносившиеся из дома, я вошла внутрь.

Английский солдат охранял комнату. Дверь была полуоткрыта, заглянув, я увидела двух пожилых врачей (В.П. Косинову и М.Ю. Шульца) и двух медицинских сестер, которые должны были сопровождать отходящие эшелоны с казаками для передачи Сов. властям.

Жутко вспоминать плачущее лицо доктора Шульца, окаменелые лица др. Косиновой и сестер... С тяжелым чувством неминуемой опасности пошла в госпиталь.

В прихожей первое, что увидела: на кровати в агонии умирающая молодая женщина. Увидев в одной из комнат врача, я начал просить его помочь умирающей. Он, взглянув на меня, устало махнул рукой и сказал: он пообещал женщине не спасать ее, так как у нее осталось только одно желание — умереть.

Муж ее был увезен с офицерами. Мать, сестра и она с двумя малолетними детьми вырвались из толпы, бросились бежать к лесу через мост реки Дравы. Добежав до середины, увидели английского солдата, бежавших к ним с двух сторон моста.

Спасения не было. Мать и сестра прыгнули в воду. Она, бросив в воду детей, прыгнула вслед... В мгновение горная река поглотила свои жертвы.

Течение бросило ее в сторону берега. Она зацепилась одеждой за вывороченный корень. Увидев это, солдаты вытащили ее — полумертвую, захлебнувшуюся, и отнесли в госпиталь. Придя в себя и осознав случившееся, она приняла яд и умоляла не пытаться ее спасти, а дать возможность уйти из этого мира...

С окаменелым сердцем я вышла из госпиталя и пошла к маме. Она сидела на траве у изгороди.

Вдруг я услышала истерический крик пожилой женщины: она бежала за английским офицером и, хватая его за рукава, умоляла его освободить ее мужа, доктора Шульца.

Увидев меня, она остановилась и, показывая на меня, начала быстро объяснять, что я тоже доктор, молодая и, конечно, более подходящая для сопровождения казаков с эшелонам, а ее муж — старый и более нужен в госпитале.

С безразличным лицом англичанин окинул меня взглядом. Вероятно, из всего, что он слышал, понял одно слово “доктор”. Вместе с ней он вошел в дом, в котором под охраной находился ее муж.

Я застыла, не успев осознать случившееся. Из дома вышло два английских солдата с немецкой овчаркой. С удивлением и каким-то недоумением посмотрев на меня, стали рядом со мной, спросили: правда ли, что я доктор? Я только и смогла ответить: “Нет, нет! Студентка! Не доктор!”

Воцарилась гнетущая тишина. При малейшем моем движении собака вскакивала и начинала рычать. Мысли путались. Появилась безразличие. Возникли острая боль и обида: меня, женщину, окружили два вооруженных солдата, да еще с собакой, и следят за каждым моим движением...

Я старалась объяснить, что я очень боюсь собаки, бежать никуда не собираюсь, а если и побегу, то им будет очень легко пристрелить меня, так как перед нами открытая поляна.